

Женщина как моральный субъект в контексте аристотелевской теории справедливости

Мушинский Н.И.

В настоящее время, когда Указ №1 от 1 января 2026 г. в нашей стране провозглашает «Год белорусской женщины», следует отметить, что в современном обществе роль женского пола в самых разных сферах социальной жизни непрерывно возрастает. С этим многие философы связывают надежды на будущее и перспективы положительной динамики в преодолении техногенного кризиса мировой системы.

Гендерной эмансипации на протяжении последних столетий в немалой степени способствовали экономические процессы, при которых, по мере автоматизации, роботизации и «цифровизации» производства, тяжёлый и монотонный физический труд постепенно уходил в прошлое, более востребованным становился высокий уровень образования, офисная организационная работа на предприятиях, в торговле и сфере обслуживания.

Аналогичное влияние оказала политическая ситуация, когда на протяжении двух мировых войн мужская часть населения была призвана в армию и понесла невосполнимые потери, а в тылу их место заняли женщины (соответственно, сохранили его и в послевоенный период, позднее по справедливости потребовали для себя социальных гарантий, избирательного права и т.п.).

Тем не менее, при внимательном рассмотрении приходится признать, что подобные гендерные тенденции не являются достоянием только новейшей эпохи, уходят корнями в далёкое прошлое.

Весьма поучительно, в этом смысле, вспомнить «Никомахову этику» Аристотеля, рассмотреть женский вопрос в контексте принадлежащей античному философу теории справедливости.

Следует напомнить, что в истории человечества уже существовали промежуточные периоды, когда женщины играли главную роль в общественной жизни (гос-

подставал матриархат), причём по продолжительности это занимало примерно девять десятых исторического процесса. Имеется в виду стадия первобытнообщинных отношений, когда, занимаясь собирательством, женская усидчивость была более востребована для выживания рода, чем мужская грубая сила и, во многом случайная, удача на охоте.

Кроме того, в условиях архаичного промискуитета и полигамной семьи, только по женской линии, в силу чисто физиологических причин, можно было с достоверностью отсчитывать свою родословную (этот обычай сохранился во многих древнейших культурах, например, – в ветхозаветном иудаизме). Подобное положение отразилось и в древнегреческой политеистической мифологии, причём в её самых глубинных пластах.

Многие божества, символизирующие природные и социальные стихии, относятся там к женскому полу: Гея (мать-земля, прародительница всего сущего), Афродита (культ плодородия, отразивший, среди прочего, первобытную полигамию), Гера (хранительница домашнего очага), Афина (олицетворение житейской мудрости), Артемида – охотница, Дика – справедливость и т.д.

Только с переходом к земледелию в обществе утвердилась власть мужского патерналистского начала, вместе с моногамией, упадком родовых отношений и правом собственности (пахарь-труженик владеет земельным участком и собранным урожаем, хочет всё это передать по наследству от отца к сыну). В мифологии на первый план выходят божества Олимпа во главе с Зевсом (бог грома и молнии, персонификация небесной водной стихии, от которой зависит урожай земледельца-«геомора» и благополучие воинских предводителей – «басилевсов» и «эвпатридов»).

Женское же начало отодвигается на периферию мифологического дискурса, «попытке установить мужскую фаллическую власть... угрожает не менее решительная власть другого, угнетённого... пола. Этот другой пол, женский, становится синонимом радикального зла» [3, с. 107].

Он выступает в качестве безликой стихии, сил хаоса, ужасающих чудовищ (лернейская гидра; Медуза-Горгона; сирены, с их обманчивым пением;

менады, растерзавшие Орфея; амазонки, с которыми сражались Геракл и другие эпические «герои» античности).

Тем не менее, в «классическую» эпоху при жизни Аристотеля, с появлением городов как центров ремёсел и торговли (истоки научно-технического прогресса), с их «полисной» демократией, положение постепенно меняется, появляются первые ростки феминизма.

Для Стагирита и перипатетиков проблема переходит в проекцию «гражданского самосознания», «свободы» и «моральной ответственности»: полноправным свободным гражданином дрнегреческого полиса может быть только полноценный моральный субъект, способный с помощью критического разума осмыслить универсальные критерии справедливости и реализовать их в конкретных поступках: «Таковы знания и добродетели; ... например справедливость» [1, с. 72].

В этом смысле ограничивается свобода детей (рациональное самосознание которых ещё не сформировалось, поэтому отвечают за них родители, а дети должны их уважать и слушаться, в том числе даже принудительно); рабов (в эпоху греко-персидских войн это, как правило, пленники, ранее жившие в условиях восточной тоталитарной деспотии, далёкие от греческого языка и культуры; поэтому их лишают свободы и заставляют бесплатно работать, как и в наши дни – преступников и военнопленных, отвечает же за них хозяин-собственник); в какой-то мере, женщин (как лишённых критического мужского интеллекта, руководимых чувствами и эмоциями; за них отвечают муж или отец). И всё же, как указывает Аристотель, «женщина и раб по природе своей два различных существа» [3, с. 377] – в моральном отношении, когда женщина предстаёт как потенциальная носительница идей «справедливости».

Собственно, усвоив принцип справедливости и став, тем самым, полноценным моральным субъектом, ребёнок по мере взросления превращается в полноправного гражданина античного полиса; раб имеет шанс перейти в категорию вольноотпущенников (как это часто происходило в эпоху позднего императорского Рима, Эпиктет и др.). Женщина в этом смысле, по Аристотелю,

имеет гораздо более благоприятные перспективы, поскольку она обладает нравственным сознанием изначально, в полной мере несёт в себе универсальный критерий справедливости.

Задача состоит только в том, чтобы его правильно осмыслить, связав как некую «середицу» («месон») с понятиями «добродетели» («аретология») и «счастья» (античный «эвдемонизм»).

С точки зрения Аристотеля, как и других его современников (Сократа, Платона, Демокрита и т.п.), целью жизни всякого гражданина античного полиса является «счастье», при этом моральный субъект обладает широким набором средств для его достижения как высшего блага. Основное из них скрыто в определении: деятельность души сообразно добродетели.

Однако объясняя сущность последней, Стагирит проявляет оригинальность: «Добродетель... есть некое обладание серединой... между двумя [видами] порочности, один из которых – от избытка, другой – от недостатка» [2, с. 86 – 87]. Так, например, мужество есть «середица» между трусостью и безрассудной отвагой, щедрость – между скупостью и расточительностью и т.д. Соответственно, и справедливость трактуется Аристотелем как середина между «претерпеванием несправедливости (to adikein) для самого себя, и причинением её другим людям» [2, с. 157].

При этом, как «пропорциональное равенство» (to ison) указанная категория непосредственно имеет экономическое и правовое приложение: справедливость есть некая середина между излишеством и нехваткой, между многим и малым, поскольку «несправедливый, совершая несправедливость, имеет больше, а терпящий несправедливость... имеет меньше.

Середина между ними – справедливое» [2, с. 325]. После подобной констатации, Стагирит логически переходит от универсальных абстрагированных дефиниций к конкретным вещам и поступкам: «Итак, ... вещи называют производными от них именами... ; так, ... от справедливости – справедливым» [1, с. 76]; тем самым, любой человек, обладающий развитым моральным со-

знанием, независимо от пола, может выступать как носитель этого положительного качества. Уже сами размышления по поводу, в частности, сущности и истоков справедливости способствуют развитию критического интеллекта.

Таким образом, Аристотель делает обоснованный вывод: «Дружба мужа с женой... сообразна добродетели» [2, с. 236]. Поскольку для всякой женщины вполне доступно рациональное осмысление разных видов добродетели, в том числе универсальных критериев справедливости, – тем самым она становится полноценным моральным субъектом, органично вводится в круг гражданских отношений. В признании этого факта, предопределившего современное состояние женского вопроса, в том числе в белорусском обществе 2026 года, заключается немаловажная заслуга аристотелевской теории справедливости.

Список используемых источников

1. Аристотель. Категории // Аристототель. Сочинения: В 4-х т. Т. 2 / Пер. с древнегреч. – М.: Мысль, 1978 - 687 с.
2. Аристотель. Никомахова этика // Аристототель. Сочинения: В 4-х т. Т. 4 / Пер. с древнегреч. – М.: Мысль, 1983 - 830 с.
3. Аристотель. Политика // Аристототель. Сочинения: В 4-х т. Т. 4 / Пер. с древнегреч. – М.: Мысль, 1983 - 830 с.
4. Кристева Ю. Силы ужаса: эссе об отвращении. – СПб.: Алетейя, 2003 – 256 с.